— Я разве разрешала тебе уходить?

Благородная супруга Сюй обернулась и, столкнувшись с непривычно решительной Гу Юньшу, окинула её оценивающим взглядом с ног до головы.

— У Вашего Величества есть еще какие-то распоряжения? — глаза Благородной супруги Сюй слегка сузились, а от всей её фигуры исходила тяжелая, гнетущая аура.

Гу Юньшу с бесстрастным лицом отдала приказание:

— Нянюшка Чжан, научи её делать поклон.

Благородная супруга Сюй насмешливо хмыкнула:

— Я не умею.

— Не умеешь — и ладно, на этом и закончим, — раздался голос Шао Юя, доносившийся снаружи.

На лице Благородной супруги Сюй промелькнула радость, а Гу Юньшу застыла.

Чжао Люфу, следовавший за Шао Юем, осторожно взглянул на Благородную супругу Сюй. Он видел, как та в ярости направилась во Дворец Куньнин, и немедленно бросился докладывать Шао Юю.

Однако следующая фраза Шао Юя заставила Благородную супругу Сюй почувствовать, будто она провалилась в ледяную прорубь:

— Если ты не способна даже выучить поклон, значит, этому гарему явно не по пути с тобой.

Благородная супруга Сюй с недоверием посмотрела на Шао Юя, а затем, крайне быстро и в хоть и непривычной, но правильной манере, отвесила поклон Гу Юньшу.

Шао Юй не стал продолжать прошлую тему, а вместо этого произнес:

— Печать Феникса возвращена, но твое преступление — превышение полномочий — прощению не подлежит. На этот месяц затворись во Дворце Цинъян и обдумай свое поведение.

Благородная супруга Сюй, пребывая в состоянии полного оцепенения, позволила Данцуй вывести себя из Дворца Куньнин. Она до сих пор не могла поверить, что Император поступил с ней так.

— Ваше Величество, вы ослепительно прекрасны, возможно, Его Величество просто был в

дурном расположении духа, не берите в голову, — тихо утешала её Данцуй.

Благородная супруга Сюй была бледна как полотно. Её род не был знатным, и всё, чего она достигла, держалось лишь на безграничной и слепой любви Императора. Теперь, когда Император охладел к ней, какая участь её ждет?

На лице же Гу Юньшу не было особой радости. Положение дел между ней и Благородной супругой Сюй просто поменялось местами: раньше она была той, кого притесняли, а теперь оказалась на месте Благородной супруги Сюй, и её не покидало чувство жалости, словно кролик оплакивал лисицу.

Однако, вспомнив, какой финал ждал её раньше, она твердо решила больше не позволять себя подавлять.

Вскоре наступило время Большого совета. Управление законодательства было делом второстепенным — ведомство, состоящее из одних лишь молодых чиновников, не вызывало особого интереса у влиятельных сановников при дворе, поэтому его создание одобрили без лишних слов, словно потакая прихоти Императора.

А вот вопрос учреждения Нэйгэ вызвал настоящий переполох. Создание такого органа, несомненно, означало дальнейшее усиление позиций гражданских чиновников, что не могло не вызвать недовольства среди членов императорского рода и родовой знати.

Знать считала, что туда нужно внедрить двоих своих людей, а представители императорского рода полагали, что и им полагается место. Стороны спорили до хрипоты.

Шао Юй, восседая на троне, невозмутимо наблюдал за их перепалкой, не делая ни малейшей попытки вмешаться. Он даже с интересом принялся комментировать происходящее Чжао Люфу:

— Посмотри на того, как его зовут? Он выглядит точь-в-точь как собака.

В этот момент в шуме голосов чиновников возникла пауза, и слова Шао Юя прозвучали в полной тишине. Все сначала с недоверием уставились на Императора, а затем начали переглядываться, пытаясь понять, кто именно из них похож на собаку.

Те, кто был уверен, что Император знает их имена, само собой решили, что речь не о них. А те, кто сомневался, узнает ли их государь, почувствовали себя оскорбленными под пристальными взглядами коллег и готовы были вскочить с криком: Это не я!

Шао Юй слегка кашлянул, делая вид, что ничего не произошло, и произнес:

— Все высказались? Раз вы не можете прийти к единому мнению, давайте проведем голосование. Чжао Люфу, раздай каждому по листу бумаги. Один человек — один голос.

Записывай, кто сколько набрал.

Предложение казалось справедливым, а тайный способ голосования не вызвал возражений.

Вскоре Шао Юй получил список кандидатов. Увидев имена, записанные Чжао Люфу, он приподнял бровь и обратился к сановникам:

— Похоже, желающих стать старшим советником немало.

Сюй Цзяньнин, тайно проголосовавший за себя, невольно покраснел.

— Те, у кого меньше пяти голосов, выбывают, — распорядился Шао Юй.

Чиновники окинули взглядом зал и возражать не стали.

Шао Юй продолжил:

— С пятью голосами и выше осталось тринадцать человек. Это почти половина. Время позднее, и если вы продолжите спорить, то ни к чему не придете. Давайте просто тянуть жребий.

— Ваше Величество, дело государственной важности нельзя превращать в детскую забаву, — первым выступил Лю Да. Остальные поспешили его поддержать.

Шао Юй закатил глаза. В конце концов, он — нерадивый император, ему не нужно следить за осанкой. Если бы перед троном стоял стол, он бы непременно закинул на него ноги.

— Это нельзя, то нельзя. Я предложил справедливое решение, а вы всё недовольны? Или вы считаете, что выдвинутые вами люди недостойны быть советниками? — парировал Шао Юй.

— Э-э… у нас и в мыслях такого не было, — поспешно ответил Лю Да.

Шао Юй отрезал:

— Вы хотите, чтобы я назначил всех наугад? Так вы будете довольны?

— Э-э… — собравшиеся снова лишились дара речи.

— Если жребий кажется вам несправедливым, может, вы хотите, чтобы все тринадцать человек вошли в Нэйгэ? — задал вопрос Шао Юй.

Лю Да вытер несуществующий пот со лба. Слово вошли в данном контексте звучало зловеще, но возразить он не мог.

В итоге сановники, конечно, не смогли переспорить Шао Юя. Вскоре Чжао Люфу принес шкатулку. На глазах у всех бумажки с именами тринадцати кандидатов сложили и опустили в неё.

Шао Юй встал, закатал рукава и медленно опустил руку в шкатулку. Те, чьи имена были среди тринадцати, нервничали, а остальные — чувствовали странное облегчение.

Вдруг Шао Юй замер. Поймав на себе взгляды всех присутствующих, он изобразил на лице гримасу боли.

— Ваше Величество? — тихо и обеспокоенно спросил Лю Да.

— Ничего, бумажка укусила за палец. С-с… больно, — Шао Юй не удержался от шутки, видя, что все слишком серьезны.

— … — Лю Да не знал, что и сказать.

Сюй Цзяньнин подался вперед:

— Ваше Величество, прикажете позвать лекаря?

Раз уж я начал играть, придется доигрывать до конца.

Остальные чиновники, видя такую беспринципность Сюй Цзяньнина, в душе окрестили его льстецом. Однако Шао Юй внезапно вошел во вкус и, зажав бумажку между пальцев, начал трясти рукой, словно у него случился припадок. В итоге первая вытянутая бумажка прилетела прямо в лицо стоявшему рядом Сюй Цзяньнину.

Сюй Цзяньнин подобрал её, но не осмелился открыть, а почтительно протянул Шао Юю. Тот развернул её и показал всем.

— Поздравляю первого советника Лю с избранием в Нэйгэ! — все, независимо от того, были ли они искренне рады, поспешили изобразить восторг.

Шао Юй усмехнулся:

— Я забыл уточнить: жребий определяет тех, кто выбывает, или тех, кто остается?

Все замерли, лицо Лю Да окаменело.

— Ваше Величество, государственные дела — не повод для шуток… — произнес кто-то из чиновников.

А со стороны знати раздался голос:

— Ваше Величество, если выбывших шестеро, а оставшихся семеро, и бумажка так больно укусила вас, может, лучше просто всех вытянутых исключить? Чтобы вам не пришлось лишний раз терпеть боль.

Пока они спорили, Шао Юй вытянул еще одну бумажку. По иронии судьбы, это был Сянь-гогун. В молодости он прошел через многие битвы, совершил немало подвигов, и хотя сейчас ему уже за шестьдесят, он был полон сил. По возрасту и заслугам он стоял во главе знати.

Так вышло, что теперь и среди гражданских, и среди знати были свои представители, и никто больше не осмелился настаивать на том, что вытянутые имена — это исключенные. Тот дворянин, что насмехался ранее, прикусил язык.

Шао Юй спросил:

— Так исключаем или оставляем?

— Оставляем, конечно, оставляем! — мнения теперь были единодушны.

Шао Юй больше не стал их мучить и быстро вытянул оставшиеся пять имен.

Янь Кай, будучи правым премьер-министром, по статусу уступал лишь левому премьер-министру Лю Да. Он был уверен, что место в Нэйгэ у него в кармане, но, к своему ужасу, не обнаружил своего имени в списке.

В конечном итоге в Нэйгэ вошли пять гражданских чиновников и двое представителей знати. Военачальники остались недовольны, но понимали, что в государственных делах они не так сильны, как гражданские, а наличие своих людей в Нэйгэ было вполне приемлемым результатом.

Когда Большой совет завершился, Янь Кай мрачно направился к выходу, стараясь идти быстро, словно боясь, что кто-то остановит его, чтобы обсудить состав Нэйгэ.

— Господин Янь, господин Янь, подождите!

Янь Кай обернулся и, увидев, что его окликнул Чжао Люфу, остановился.

— Господин Янь, Его Величество вызывает вас, — поспешно сказал Чжао Люфу.

Заметив, что все смотрят на него, Янь Кай выпрямил спину, словно желая показать: даже если ему не повезло попасть в Нэйгэ, Император всё равно его ценит.

— Господину Яню, кажется, уже перевалило за пятьдесят? — спросил Шао Юй.

Янь Кай поспешил подтвердить. В свои пятьдесят лет он уже занимал пост правого премьер-министра — это был немалый успех.

Шао Юй медленно произнес:

— Человек после шестидесяти пяти уже не так сообразителен, пора бы и на покой. С советниками Нэйгэ то же самое.

Сердце Янь Кая пропустило удар. В Нэйгэ сейчас ближе всех к шестидесяти пяти годам был левый премьер-министр Лю Да! Если советникам придется уходить в отставку по возрасту, то и пост Лю Да окажется под угрозой, а значит…

— Посмотрите на меня, болтаю с правым премьер-министром о всякой ерунде, — Шао Юй помолчал и добавил: — Я позвал вас, чтобы расспросить о делах в Министерстве финансов.

Янь Кай поспешно выложил всё, что знал. Шао Юй вздохнул. Сердце Янь Кая снова сжалось.

— Я думал, министр финансов — человек способный, но не ожидал, что государственная казна при нем будет так сильно уступать временам покойного Императора, — произнес Шао Юй.

Янь Кай опешил. Он подумал: Государь, вы сами-то не понимаете, почему казна пуста? Сегодня строите дворец, завтра — сад, никакие деньги не выдержат такого транжирства!

— Господин Янь, вы всегда были умны и деятельны. Есть ли у вас план, как пополнить казну? — спросил Шао Юй.

Янь Кай очень хотел ответить: Меньше тратьте, Ваше Величество, но не посмел.

— Чтобы наполнить казну, есть два пути: искать новые источники дохода и сокращать расходы. Министерству финансов следует тщательно проверить все траты и увеличить сборы, — Янь Кай заметил, как загорелись глаза Императора, и поспешно добавил: — Ваше Величество недавно взошли на престол, сейчас важно успокоить народ, поэтому повышать налоги не стоит.

Иногда Шао Юй думал, что покойный Император был весьма хитер. Перед смертью, расчищая путь сыну, он перебил многих, а тех, кто остался, можно было разделить на два типа: либо умные, осторожные и умеющие приспосабливаться, либо такие, как Янь Кай — те, кто, несмотря на долгие годы в политике, сохранили чистоту помыслов.

— Ваше Величество, пусть Министерство финансов подготовит доклад с предложениями по увеличению доходов. Что касается сокращения расходов: помимо жалованья чиновникам, большая часть средств уходит на пограничные войска. Они годами стоят в суровых краях, и

если урезать их содержание, жди беды. А что до жалованья… признаться, у моей жены и невесток богатые приданые, есть земли и лавки, поэтому я никогда не заботился о жалованье. Но для мелких чиновников это единственный способ прокормить семью, здесь сокращать нельзя.

Слова Янь Кая были разумны, и Шао Юю нечего было возразить. Он лишь спросил:

— Как же, по-вашему, увеличить доходы?

Янь Кай хотел предложить переложить эту головную боль на молодых чиновников министерства, но не решился. Пришлось отвечать самому:

— Торговцы всегда хитры. Может, стоит жестче взимать торговый налог?

Шао Юй покачал головой:

— С этим спешить нельзя. Вы сказали, что у вас есть свои лавки, значит, деньги водятся. Давайте сделаем так: Министерство финансов откроет свою лавку. Самую большую лавку в Поднебесной. Как вам идея?

***

Как вам идея?

Янь Кай считал, что идея никуда не годится, но сказать об этом не посмел.

— Там можно будет купить всё, что есть в Поднебесной, — Шао Юй продолжал рисовать грандиозные картины.

— Но в такой лавке товар будет слишком разнообразным, затраты на содержание станут огромными, боюсь, расходы превысят доходы, — обеспокоенно заметил Янь Кай.

— А если все жители столицы будут покупать товары только там, разве есть повод для беспокойства? — в голове Шао Юя уже был готов план.

— Если так, то беспокоиться не о чем. Но управление такой лавкой — большая проблема.

— Вот об этом вам и предстоит подумать, — прервал его размышления Шао Юй.

— А? — Янь Кай опешил. Он предчувствовал, что дело ляжет на его плечи, но не думал, что так скоро.

Шао Юй не стал его мучить и выложил всё, что было у него на уме. Янь Кай, который еще минуту назад считал, что Император бредит, вдруг понял, что план вполне осуществим. Он взглянул на Шао Юя с новым уважением. Он-то думал, что Император — сумасброд, а у того оказался острый ум, и многие идеи заставили его взглянуть на вещи иначе.

Янь Кай, который еще сомневался, браться ли за это дело, сам не заметил, как оказался в ловушке Шао Юя, и теперь уже сам жаждал увидеть воплощение этого плана.

Два премьер-министра — Лю Да и Янь Кай — в глазах Шао Юя были разными. Лю Да был проницателен, но всегда искал стабильности; он не был подлецом, но и верным слугой его назвать было нельзя — в любой ситуации он первым делом думал о собственной безопасности. Янь Кай же был практиком, действовал решительно и сохранял искренность. Он был идеальным исполнителем для этого плана.

На следующий день Шао Юй вызвал министра работ. Тот также не прошел в Нэйгэ. Шао Юй не стал придираться к пожилому сановнику, а просто разделил Министерство работ на несколько мелких ведомств с более узкой специализацией. Хотя министр про себя и считал это излишним, открыто выражать недовольство не стал, напротив, выказал полную поддержку.

Благодаря покойному Императору, который понимал, что его наследник — никчемный человек, и не решился оставлять при дворе слишком опасных чиновников, а также благодаря репутации прежнего Шао Юя как сумасброда, все знали: этот человек упрям и своего добьется. Помучившись с ним пару раз, чиновники поняли, как утомительно с ним спорить, поэтому указы Шао Юя проходили гладко.

Более того, действия Шао Юя, хоть и казались на первый взгляд эксцентричными, при ближайшем рассмотрении оказывались вполне логичными. Подлецы сетовали, что родились не в то время, а верные слуги благодарили небеса. В итоге правление Шао Юя оказалось весьма комфортным.

Сам он был по горло занят делами. Хотя доклады стали лаконичными, их всё равно было огромное количество. Прошения о здравии он игнорировал, но и оставшихся бумаг хватало. К счастью, доклады из провинций приходили не каждый день, а примерно раз в десять дней.

Шао Юй быстро разбирался с документами, уделяя особое внимание прибрежным районам. В последние годы там свирепствовали пираты, а армия не умела воевать на море. Шао Юй велел Министерству работ ускорить строительство кораблей, пригодных для дальних плаваний. Он намеревался отменить морской запрет, получить контроль над морскими путями и стать властелином морей.

Пока он трудился, Гу Юньшу было нелегче. Она много лет ни во что не вмешивалась, и хотя инцидент с Благородной супругой Сюй напугал остальных, все знали, что Император переменчив. Поэтому большинство обитателей гарема заняли выжидательную позицию: они не помогали Гу Юньшу, но и не мешали, в основном отлынивая от работы. В управлении гаремом воцарился хаос: то не выдадут положенное довольствие, то перепутают ткани. В гареме

начались ропот и недовольство, всё чаще звучали сомнения в компетентности Императрицы.

Конечно, это происходило отчасти из-за неопытности Гу Юньшу, но свою роль играли и происки запертой Благородной супруги Сюй, и желание остальных воспользоваться смутой.

Человеку, привыкшему плыть по течению, трудно в одночасье стать решительным и деятельным. Это был долгий и сложный процесс, но Шао Юй мог ждать, игнорируя любые жалобы.

Однако кое-кто ждать не хотел.

Гу Юньшу корпела над бухгалтерскими книгами, когда служанка доложила, что её хочет видеть наложница Сунь.

Она удивилась: наложница Сунь была племянницей жены её отца. Раньше, когда Императрица впала в немилость, наложница Сунь старалась держаться от неё подальше. Гу Юньшу не знала, зачем эта двоюродная сестрица пожаловала сегодня.

Наложница Сунь сначала завела речь о родственных узах, а затем перешла к делу:

— Мы с вами сестры, у нас одна кровь. Я вижу, как вам сейчас тяжело, и если доверяете мне, то я готова разделить ваши заботы.

Гу Юньшу опешила, не ожидая такой инициативы. Она подсознательно опасалась людей со стороны мачехи, но гарем был слишком велик, и в одиночку она уже не справлялась. Она колебалась.

Наложница Сунь искренне смотрела на неё и улыбалась:

— Сестра, в нынешнем гареме у вас нет ни одного человека, которому можно доверять. Но свои всегда ближе, разве я могу причинить вам вред?

— Позволь мне подумать, — Гу Юньшу решила отложить ответ.

Во Дворце Юйнин Благородная супруга Лю старательно наносила цветочный сок на ногти и как бы невзначай спросила:

— Как успехи у наложницы Сунь?

Старшая служанка ответила:

— Императрица, похоже, колеблется и не дала сразу согласия.

— Раньше не молилась, а теперь в последний момент бросилась в ноги. Такая флюгер, как она, конечно, заставит Императрицу сомневаться, — Благородная супруга Лю с презрением отозвалась о поступке наложницы Сунь и добавила: — Подготовь всё. Бей, пока враг слаб, пришло наше время действовать.

В голове Императрицы боролись два голоса.

Один твердил: Нельзя отдавать власть, неужели ты хочешь вернуться к прежним дням, когда тебя все обижали?

Другой шептал: Отдай власть, и станет легче, сможешь просто лежать, не нужно будет так уставать.

— Ваше Величество, наложница Сунь молода и неопытна, даже если вы поручите ей дела, она вряд ли справится. Я слышала, что Благородная супруга Лю в девичестве была весьма талантлива. Почему бы вам не поручить ей все дела, которые кажутся вам обременительными? Если она не справится — это будет её вина, а если справится — вся слава достанется вам, — предложила служанка Жу Вэй.

Она думала, что Императрица с радостью согласится, но та лишь удивленно посмотрела на неё, и в этом взгляде появилось нечто похожее на настороженность.

http://bllate.org/book/25708/3072696